

Борьба с исламо-экстремистскими
вооруженными группировками в 1990-е гг.:
сравнительный анализ
алжирского и египетского кейсов

Сергей Ю. Серёгичев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sers80@mail.ru*

Аннотация. Борьба с терроризмом в арабском мире ведется уже много десятилетий. На передовой этой борьбы находятся Алжир и Египет. Их вооруженные силы, полиция и спецслужбы накопили огромный опыт контртеррористических операций. Но цена, которую алжирцы и египтяне заплатили за этот опыт, велика. В 1990-е гг. Алжир и Египет пережили «черное десятилетие». Радикальные исламистские движения в Алжире и Египте бросили открытый вызов государству, начав гражданскую войну (в Алжире) и развязав массовый террор в отношении сотрудников правоохранительных органов и туристов (в Египте). От рук исламистов пал глава Алжира Мухаммед Будиаф, едва не погиб в результате покушения египетский президент Хусни Мубарак, жертвами нападений со стороны исламских экстремистов стали десятки тысяч людей. Кровавая битва с исламо-экстремистскими вооруженными группировками в Алжире и Египте сформировала в итоге современную систему антитеррористической безопасности в этих странах. В настоящей статье речь пойдет о причинах острейших кризисов в сфере внутренней безопасности Алжира и Египта в конце XX в., характеристике действий вооруженных радикальных исламистских групп и сравнительном анализе политик безопасности алжирского и египетского правительств.

Ключевые слова: «черное десятилетие», Исламский фронт спасения, Вооруженные исламские группы, Исламская армия спасения, Мухаммед Будиаф, Хусни Мубарак, теракт в Луксоре 1997 г.

Для цитирования: Серёгичев С.Ю. Борьба с исламо-экстремистскими вооруженными группировками в 1990-е гг.: сравнительный анализ алжирского и египетского кейсов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 199–212. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-199-212

The fight against Islamic extremist armed groups
in the 1990s.
Comparative analysis of Algerian and Egyptian cases

Sergei Yu. Seregichev
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sers80@mail.ru*

Abstract. The fight against terrorism in the Arab world has been going on for many decades. Algeria and Egypt are at the forefront of that struggle. Their armed forces, police and intelligence agencies have accumulated vast experience in counter-terrorism operations. But the price that Algerians and Egyptians paid for that experience is high. In the 1990s, Algeria and Egypt lived through a “black decade”. Radical Islamist movements in Algeria and Egypt openly challenged the state, starting a civil war (in Algeria) and unleashing mass terror against law enforcement officers and tourists (in Egypt). The head of Algeria, Mohamed Boudiaf, fell at the hands of Islamists, Egyptian President Husni Mubarak almost died in an assassination attempt, and tens of thousands of people became victims of attacks by Islamic extremists. The bloody battle with Islamic extremist armed groups in Algeria and Egypt ultimately formed the modern anti-terrorist security system in those countries. The present article will discuss causes of the most acute crises in the sphere of internal security in Algeria and Egypt at the end of the twentieth century, the characteristics of the actions of armed radical Islamist groups and a comparative analysis of the security policies of the Algerian and Egyptian governments.

Keywords: black decade, Islamic Salvation Front, Armed Islamic Groups, Islamic Salvation Army, Mohamed Boudiaf, Husni Mubarak, Luxor terrorist attack 1997

For citation: Seregichev, S.Yu. (2024), “The fight against Islamic extremist armed groups in the 1990s. Comparative analysis of Algerian and Egyptian cases”, *RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relations” Series*, no. 5, pp. 199–212, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-199-212

Введение

Арабский мир в 1990-е гг. столкнулся со множеством серьезных вызовов, одним из которых была мощная волна вооруженного насилия в отношении государственных, общественных институтов, отдельных групп населения со стороны исламских экстремистов. В наибольшей мере от действий милитаризированных исламо-экстремистских группировок пострадали Алжир и Египет. В Алжире

фактически развернулась полномасштабная гражданская война между властями и исламскими экстремистами, Египет же накрыло самым настоящим террористическим «цунами»¹. В ходе борьбы с вооруженными исламо-экстремистскими формированиями алжирским и египетским властям пришлось пойти на целый комплекс чрезвычайных мер военно-административного и политико-юридического характера, частично выходящих за рамки правовых систем этих стран.

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ этих мер и тех результатов, к которым они привели. Задачи же можно определить следующим образом: изучение причин резкого ухудшения ситуации в области внутренней безопасности в Алжире и Египте в 1990-е гг., условий формирования и роста активности исламо-экстремистских вооруженных групп и движений, особенностей их стратегии и тактики, анализ эффективности ответных мер со стороны правительств Алжира и Египта.

Основным дискуссионным вопросом в историографии является вопрос оправданности крайне жестких военно-полицейских методов алжирских и египетских властей по борьбе с исламской герильей 1990-х гг. Часть исследователей, признавая их тяжелый кровавый характер, полагает, что они были полностью адекватны сложившимся кризисным условиям того времени [Бабкин 2000]. Другие склонны полагать, что политики в «погонах» сами виноваты в эскалации насилия [Карпачева 2013].

«Черное десятилетие» в Алжире

В конце 1980-х гг. алжирское государство переживало острейший социально-политический кризис, вызванный падением мировых цен на нефть, инфляцией и снижением уровня жизни рядовых алжирцев, переориентацией страны с социалистического пути развития на рыночную модель (во многом это было связано с распадом СССР и социалистического лагеря в Восточной Европе, в результате чего была прекращена поддержка Алжира), отказом политического руководства страны от концепции социалистической ориентации и усилением в создавшемся идеологическом вакууме исламистской идеологии как «альтернативы» западному либерализму, усталостью населения от коррупции и nepотизма,

¹ За период с 1990 по 1997 г., по одним данным, жертвами войны между исламскими радикалами и властями в Египте стали 1300 человек, по другим – 1500 человек [Gerges 2000, p. 592; Nachman 1998, p. 8].

поразивших партийно-государственную машину, особенно ее верхи [Долгов 2004, с. 24–27, 33–34; Ланда 1999, с. 258]. В обществе возник колоссальный запрос на перемены в виде новых политических сил и движений, способных предложить отличную от многолетней правящей партии – Фронта национального освобождения (ФНО) – повестку дня.

Этот запрос в полной мере был удовлетворен после кровопролитного подавления массовых беспорядков 4–5 октября 1988 г., явившихся в некотором роде мини-гражданской войной, когда против крушивших все на своем пути толп демонстрантов властями были брошены танки. События октября 1988 г. стали отправной точкой алжирской «политической весны» 1988–1991 гг. В ходе нее в феврале 1989 г. была утверждена новая конституция страны, которая в числе прочего гарантировала право на образование политических партий [Ланда 1999, с. 203–207]. Одной из таких партий стал Исламский фронт спасения (ИФС), который благодаря своему харизматичному руководству и призывам к строительству подлинного исламского государства обрел на рубеже 1980–1990-х гг. невероятную популярность среди значительной части населения Алжира.

В ходе муниципальных и 1-го тура парламентских выборов (1990–1991) ИФС получил большинство голосов избирателей. В ответ на это командование алжирской армии, стремясь не допустить легитимного прихода к власти в стране исламистов, решило вмешаться в избирательный процесс. Под давлением военных 11 января 1992 г. президент Шадли Бенджедид распустил Национальную народную ассамблею (парламент), а сам ушел в отставку. На следующий день Высший совет безопасности (ВСБ) объявил о «временной» приостановке выборов, вводе армейских подразделений в столицу и формировании Высшего государственного совета (ВГС), который сосредоточил в своих руках всю власть в стране, его председателем стал Мухаммед Будиаф [Долгов 2004, с. 111].

В ответ на это ИФС попытался при поддержке ФНО и ФСС (Фронт социалистических сил) возобновить легитимный политический процесс в стране. Но уже 18 января 1992 г. стала очевидна тщетность этих усилий: неустановленные лица напали на армейскую казарму в городе Сиди Муса, убив одного военнослужащего. Ответственность за эту акцию власти сразу возложили на исламистских боевиков и приступили к арестам руководства ИФС. Вскоре начались чистки мечетей, которые были подконтрольны ИФС, что привело к уличным боям между исламистами и армейскими подразделениями. Стремясь не допустить разрастания масштабов исламистского мятежа, ВГС интернировал в сахарские

лагеря безопасности 7 тыс. активистов ИФС (это по официальным данным, по неофициальным – 30 тыс.). 4 марта 1992 г. судебным решением ИФС был распущен, и его деятельность была прекращена [Долгов 2004, с. 118–119]. Однако все эти меры не смогли остановить начинающуюся гражданскую войну в стране.

Вооруженное противостояние между властями Алжира и исламскими экстремистами принято делить на три основных этапа:

- 1992–1994 – формирование основных военизированных исламо-экстремистских фракций – ВИД (Вооруженное исламское движение, военное крыло ИФС) и ВИГ (Вооруженные исламские группы), начало их активной террористической деятельности, создание «освобожденных исламских зон» на большей части территории страны;
- 1995–1996 – первые крупные успехи алжирской армии и спецслужб, начало коренного перелома в войне;
- 1997–1999 – завершение активной фазы войны, уничтожение последних крупных очагов сопротивления исламских экстремистов, постепенный переход силовых структур страны к тактике точечной ликвидации ключевых фигур исламо-экстремистского подполья [Бабкин 2000, с. 109; Кепель 2004, с. 254; Mebarek 2022].

Гражданская война в Алжире 1992–1999 гг. относится к классическому типу партизанских войн, что было изначально предопределено численным составом вооруженных сил участников конфликта, изначальным уровнем их боевой подготовки, наличием/отсутствием у них тех или иных видов вооружения и военной техники. Эти и другие факторы повлияли на тактику и стратегию ведения боевых действий каждым из противников.

Выбор алжирскими исламскими экстремистами формы классической партизанской войны был вынужденной мерой, вызванной малой (по сравнению с официальными силовыми структурами страны) численностью личного состава², имеющего боевой опыт, отсутствием у них целых классов тяжелого вооружения (танков, бронемашин, артиллерии, авиации и др.), наличием мощных баз оперативной поддержки в крупных городах страны (отсюда активное применение тактики городской герильи), особенностями рельефа Алжира (горы и горные равнины представляли практи-

² Так, самым многочисленным исламо-экстремистским вооруженным формированием была Исламская армия спасения (ИАС), насчитывающая на пике своего влияния 40 тыс. человек, в то время как правительственные силы располагали 305,2 тыс. человек (см.: *Schulhofer-Wohl J. Civil War in Algeria, 1992 – present // Civil Wars of the*).

чески идеальные места для организации хорошо замаскированных баз исламо-экстремистских групп, состоявших из алжирских боевиков-«афганцев»).

Также переход алжирских исламо-экстремистов к партизанским действиям был прямым следствием не оправдавшихся надежд на быстрый развал Национальной народной армии (ННА) и массовый переход армейских подразделений на сторону восставшего «народа». Кроме того, в пользу выбора исламистами партизанского варианта ведения боевых действий говорила и сама история независимого Алжира, родившегося в пламени Войны за независимость 1954–1962, которая также носила в целом характер широкомасштабной партизанской войны.

В рамках тактики партизанской войны, активно применявшейся алжирскими исламистами, можно выделить несколько направлений.

1. Боевые, разведывательные, вербовочные, логистические операции в крупных городах (Алжире, Оране, Константине). Основным видом городских боевых операций алжирских исламо-экстремистов стала «минная» война (подрывы заминированного автотранспорта у объектов, принадлежавших государственным силовым структурам), обстрелы полицейских участков, засады на полицейские патрули, захват в заложники иностранцев.

Разведывательные операции были направлены на сбор сведений об уязвимых местах системы общественной безопасности Алжира, адресах проживания ключевых деятелей правящего режима, уровне их личной защиты, объектах компактного проживания иностранцев и т. д.

Вербовочные операции алжирских исламо-экстремистов традиционно привлекают мало исследовательского внимания как в силу высокой засекреченности этих материалов со стороны алжирских спецслужб, так и в силу того, что они, в отличие от терактов, не носят яркой эмоциональной окраски. Но именно благодаря успешной вербовочной деятельности алжирские исламо-экстремисты смогли так долго продержаться под напором превосходящих их по мощи и численности правительственных сил.

Логистические операции были направлены на снабжение боевых групп исламистов всеми необходимыми вещами и материалами (оружие, боеприпасы, взрывчатка, взрыватели, средства связи, медикаменты, фальшивые документы и т. д.).

2. Боевые операции в горно-лесистых районах Алжира. В 1992–1994 гг. крупные отряды исламистов совершили нападения на ряд гарнизонов ННА в целях не столько причинения ущерба, сколько желая пополнить свои запасы оружия и боеприпасов. В 1994–1999 гг.

исламо-экстремисты в целях устрашения общества и властей вырезали население множества практически беззащитных деревень.

3. Боевые операции за рубежом (теракты во Франции в 1994–1996 гг.).

Успех, который сопутствовал исламо-экстремистским незаконным вооруженным формированиям на первоначальном этапе гражданской войны, во многом был вызван неготовностью ННА и алжирских спецслужб эффективно противодействовать разветвленной сети баз исламо-экстремистского подполья в городах и горно-лесистой местности. К тому же самые боеспособные части алжирских силовых структур отвлекались на охрану важнейших стратегических объектов в столице и других крупных городах.

Однако, выдержав первый натиск незаконных вооруженных исламо-экстремистских формирований, власти Алжира провели целый ряд неотложных мер как силового, так и политико-административного характера, направленных на исправление критической ситуации в сфере внутренней безопасности.

1. Для повышения эффективности борьбы с партизанскими отрядами исламистов в сентябре 1992 г. был создан Центр ведения и координации противодиверсионных действий (ЦВКПД) при штабе командования сухопутных войск. В оперативном подчинении ЦВКПД были подразделения специального назначения ННА и командос Департамента разведки и безопасности (ДРБ) [Брасс 2004, с. 287–291]. Бойцов этих подразделений, равно как и спецназа Национальной жандармерии Алжира, в народе прозвали «терминаторами» за их бескомпромиссные методы по борьбе с исламистскими террористами.

2. Алжирские силовые структуры взяли на вооружение французскую тактику так называемых «полос изоляции» (принудительная эвакуация силовыми структурами населения из зон повстанческой активности, чтобы исключить добровольную и/или насильственную мобилизацию этих людей в отряды исламских радикалов) [Ланда 1999, с. 109; Бабкин 2001, с. 184].

3. Тактика «ложных банд» (создание глубоко законспирированных подразделений спецназа, «работавших» под видом отрядов исламо-экстремистов с целью публичной дискредитации и уничтожения исламистского подполья [Mellah 2004, p. 5]). Самое известное из этих подразделений – «отряд 192», который алжирские правозащитники обвиняют в убийстве бывшего премьер-министра страны Касди Мербаха³.

³ L'opération "Virus" // Algeria-Watch. URL: <https://algeria-watch.org/?p=53984> (дата обращения 08.05.2023).

4. Создание местными властями при поддержке ННА вооруженных отрядов народного ополчения – комитетов самообороны и бригад коммунальных гвардейцев (общая численность до 250 тыс. человек, в честь участников Войны за независимость 1954–1962 гг. они назвали себя патриотами) [Бабкин 2001, с. 62].

5. Кампания по борьбе за «умы и души» умеренных исламистов с целью недопущения их перехода в ряды вооруженных радикалов. С этой целью алжирские генералы убедили вернуться из-за границы Мухаммеда Будиафа, «легенду» алжирской революции 1954–1962 гг., политика, пользующегося уважением простого народа. Будиаф стал первым главой ВГС. Спустя всего несколько месяцев после своего назначения он погибнет в результате покушения, которое совершит его охранник, придерживавшийся радикальных исламистских взглядов [Долгов 2004, с. 127–128].

6. Массовое освещение в алжирских и международных СМИ зверств, совершенных исламистами, особенно широкое тиражирование фотографий с мест массовых расправ исламистских боевиков над населением беззащитных деревень.

В результате реализации этих и других мер (в частности, проведения президентских выборов в ноябре 1995 г., конституционного референдума в ноябре 1996 г. и парламентских выборов в июне 1997 г.) алжирским властям не только удалось стабилизировать ситуацию, но и коренным образом переломить ее в конце 1990-х гг.: 1 октября 1997 г. вступило в силу соглашение о прекращении боевых действий между Исламской армией спасения (ИАС, насчитывавшей 5–6 тыс. боевиков) и армейским командованием. Данное соглашение явилось результатом успешных переговоров президента Алжира Ламина Зеруаля с умеренным крылом исламистов. В соответствии с достигнутыми договоренностями ИАС прекратила вооруженную борьбу с властями, взамен начав ее вместе с ННА против ВИГ, которая тоже быстро сошла со сцены, развалившись на разрозненные группы боевиков. В 2000 г. ИАС самораспустилась, воспользовавшись положениями «Закона о гражданском согласии 1999», и прекратила свое существование [Долгов 2015, с. 248; Бабкин 2001, с. 10].

В Алжире до сих пор происходят террористические атаки, но исламское радикальное движение уже не представляет непосредственной угрозы существованию государственных и общественных институтов, его участники превратились в обыкновенных уголовников, с которыми активно продолжают бороться полиция и жандармерия.

«Террористическое цунами» в Египте

Египетские события чем-то напоминали алжирские, но не были их точной копией. К моменту начала активной фазы террористической войны (март 1992 – ноябрь 1997 г.) Египет уже более десяти лет жил в условиях политики экономической модернизации, нацеленной на построение национальной конкурентоспособной экспортно-ориентированной промышленности, повышение эффективности госсектора и уменьшение внешнеторгового дефицита. Однако заявленные цели реформ так и не были достигнуты. Во второй половине 1980-х гг. экономика Египта вступила в полосу острого кризиса. С учетом того, что 53% египтян находятся за чертой бедности, это создало благоприятную почву для роста исламо-радикальных настроений [Видясова, Умеров 2002, с. 24, 55].

Главным отличием египетского «кейса» от алжирского является масштаб военных действий: если в Алжире в 1992–1999 гг. мы видим (особенно в 1992–1994 гг.) полномасштабные боевые операции относительно крупных по численности отрядов исламистских боевиков (захват и удержание городских кварталов, сельских районов, нападения на армейские части), то в Египте 1990-х гг. мы можем наблюдать лишь классический набор диверсионных акций, свойственный городской герилье, осуществлявшихся небольшими хорошо подготовленными группами боевиков (засады на полицейские патрули, подрывы заминированных машин, «охота» на VIP-персон из гражданских и силовых правительственных структур, включая президента АРЕ (покушение на Мубарака в Аддис-Абебе 26 июня 1995 г.), нападения на иностранных туристов).

Такое различие проистекает из-за особенностей подхода египетских властей к исламистскому движению в стране, с которым можно «заигрывать» (как это делали Садат и Мубарак), но при этом держать на дистанции «пушечного выстрела» от реальной власти [Видясова, Умеров 2002, с. 175–176]. В рамках этого подхода египетские службы безопасности ведут с 1940-х гг. безжалостную «охоту» на исламистов. Одним из результатов данных спецмероприятий является крайне ограниченный срок «жизни» активных ячеек египетских исламистов (за исключением отдельных районов на Синае), не позволяющий последним радикально нарастить свой силовой потенциал.

Кроме этого, развязанная исламистами в середине 1990-х гг. война против иностранцев, в первую очередь туристов, была ударом не только по государству (в декабре 1993 г. Мубарак заявил, что страна за прошедший год недополучила в сфере туризма 2 млрд долл. [Кепель 2004, с. 413]), но и по многочисленной про-

слойке рядовых египтян, чье благополучие, а зачастую просто и выживание напрямую зависит от присутствия иностранных туристов в стране. Поэтому, несмотря на все очевидные перегибы властей в борьбе с исламистами (пытки, незаконные задержания, игнорирование решений судов, захват в заложники родственников разыскиваемых исламистов [Ражбадинов 2003, с. 219–220]), большинство населения тем не менее не переходит на сторону последних, опасаясь не только правительственных репрессий, но и потери рабочих мест из-за возможного оттока туристов.

Ключевым событием, окончательно уничтожившим какой-либо шанс египетских исламистов на победу в партизанской войне, стал теракт в Луксоре 17 ноября 1997 г. Хладнокровное убийство 58 иностранных туристов, у которых не было ни единого шанса спастись, дало египетскому правительству карт-бланш на самые жестокие меры по защите населения от террористической угрозы со стороны исламистов. Но главным было не это, а то, что луксорская бойня помогла египетским силовикам окончательно дегуманизировать образ боевика-исламиста в глазах большей части населения страны. В результате принятых после событий 17 ноября 1997 г. мер (полицейская блокада крупных городов и населенных пунктов, массовые облавы на исламистов, усиление охраны важнейших туристических объектов, предоставление вооруженного полицейского эскорта крупным тургруппам во время их перемещений между зонами туристической безопасности и др.) террористическая активность исламских радикалов в Египте пошла на спад.

Заключение

Алжир и Египет в 1990-х гг. столкнулись с серьезными институциональными вызовами их национальной безопасности со стороны вооруженных радикально-исламистских группировок. Исламские радикалы развязали гражданскую войну в Алжире, протестуя против приостановки парламентских выборов в январе 1992 г. Их египетские «коллеги» из числа радикальных исламистов начали масштабную террористическую кампанию. Эти события были вызваны целым комплексом факторов: неудачной социально-экономической политикой властей Алжира и Египта, стремительными темпами обнищания большей части населения данных стран, отсутствием реальных альтернативных путей развития местных политических систем, ростом популярности «исламской альтернативы», не всегда оправданной жестокостью силовых структур в отношении целых групп населения, огромным уровнем коррупци-

рованности бюрократического аппарата, возвращением боевиков-«афганцев».

Правительства Алжира и Египта достаточно быстро осознали высокую степень угрозы своим режимам со стороны исламистских вооруженных групп и движений, а потому были вынуждены отреагировать соответствующим образом. Общими чертами алжирской и египетской кампаний по борьбе с исламо-экстремистскими вооруженными группировками стали:

- массированное использование силового аппарата для подавления террористической активности исламских радикалов;
- активная борьба за «сердца и умы» простого населения, в том числе меры по включению умеренных исламистов в лагерь проправительственных сил и публичной дискредитации членов незаконных вооруженных формирований;
- чрезвычайные меры военно-административного характера (военные суды над гражданскими лицами, обвиненными в терроризме, нарушение сроков содержания под стражей и т. д.).

Однако стоит выделить и весьма существенные различия между алжирским и египетским кейсами:

- наличие в Алжире относительно крупных отрядов боевиков, умело использовавших горно-лесистый рельеф местности, вынудило алжирские власти на первых этапах гражданской войны вести классические боевые операции против исламских радикалов, применяя широкий спектр вооружений (штурмовые вертолеты, танки, артиллерия и РСЗО), в то время как в Египте основная тяжесть борьбы с исламистами, прятавшимися в городских кварталах, была возложена на специальные подразделения полиции и служб безопасности (главным образом, это были Служба общей разведки (СОР) и Главное управление расследований государственной безопасности МВД АРЕ [ГУРГБ МВД]);
- различный размах и интенсивность боевых действий (в Алжире властям пришлось организовать комитеты самообороны и бригады коммунальных гвардейцев, чтобы не распылять силы армии и спецслужб на охрану провинциальных деревень и городков, подвергавшихся нападению боевиков, в Египте же власти не стали этого делать, так как боевики предпочитали нападать на госструктуры и иностранцев, а не вырезать деревни египетских феллахов, чем целенаправленно занимались алжирские исламские экстремисты);
- в Египте волна исламистского террора в основном пошла на спад после кошмарного теракта в Луксоре 17 ноября 1997 г.,

- а в Алжире активные боевые действия в основном прекратились в 2000 г. после самороспуска ИАС;
- политический кризис, порожденный гражданской войной в Алжире, был масштабнее по своим последствиям, чем в Египте (в Алжире военным практически пришлось «пересобрать» на ходу все государственное устройство, за 8 лет конфликта одного лидера страны убили, двух армия вынудила уйти в отставку).

Литература

- Бабкин 2000 – *Бабкин С.Э.* Движения политического ислама в Северной Африке. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. 341 с.
- Бабкин 2001 – *Бабкин С.Э.* Религиозный экстремизм в Алжире (1992–2000 гг.). М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. 208 с.
- Брасс 2004 – *Брасс А., Шумилин А.* «Двоюродные братья» или смертельные враги? Террор без границ. М.: АСТ, 2004. 330 с.
- Видясова, Умеров 2002 – *Видясова М.Ф., Умеров М.Ш.* Египет в последней трети XX в.: опыт либерализации экономики и политической системы. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. 248 с.
- Долгов 2004 – *Долгов Б.В.* Исламистский вызов и алжирское общество (1970–2004 гг.). М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. 274 с.
- Долгов 2015 – *Долгов Б.В.* Радикальный исламизм в Алжире / Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: Ленанд, 2015. 424 с.
- Карпачева 2013 – *Карпачева О.В.* История исламской оппозиции в Египте. М.: Либроком, 2013. 216 с.
- Кепель 2004 – *Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма / Пер. с фр. В.Ф. Денисова. М.: Ладомир, 2004. 468 с.
- Ланда 1999 – *Ланда Р.Г.* История Алжира: XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 308 с.
- Ражбадинов 2003 – *Ражбадинов М.З.* Радикальный исламизм в Египте (на примере деятельности организаций «Аль-Джихад» и «Аль-Гамаа аль-ислямийя» (признана террористической организацией в России)). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2003. 274 с.
- Gerges 2000 – *Gerges F.A.* The end of the Islamist insurgency in Egypt? Costs and prospects // Middle East Journal. No. 4 (54). P. 592–612.
- Mebarek 2022 – *Mebarek W.* Violence en Algérie: 1992–2022, il y a trente ans la décennie noire // El Watan-dz.com. 31/05/2022. URL: <https://elwatan-dz.com/violence-en-algerie-1992-2022-il-y-a-trente-ans-la-decennie-noire> (дата обращения 24.05.2024).

- Mellah 2004 – Mellah S. Le mouvement islamiste algérien entre autonomie et manipulation // Comité Justice pour l'Algérie, Dossier n° 19. Alger, 2004
- Nachman 1998 – Nachman T. Islamic terrorism in Egypt. Challenge and response // Strategic Assessment. 1998. Vol. 1. No. 1. P. 8–11.

References

- Babkin, S.E. (2000), *Dvizheniya politicheskogo islama v Severnoi Afrike* [Political Islam movements in North Africa], Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Babkin, S.E. (2001), *Religiozniy ekstremizm v Alzhire (1992–2000 gg.)* [Religious extremism in Algeria (1992–2000)], Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Brass, A. and Shumilin, A. (2004), *“Dvoyurodnye brat’ya” ili smertel’nye vragi? Terror bez granits* [“Cousins” or mortal enemies? Terror without borders], AST, Moscow, Russia.
- Dolgov, B.V. (2004), *Islamistskii vyzov i alzhirskoe obshchestvo (1970–2004 gg.)* [The Islamist challenge and Algerian society (1970–2004)], Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Dolgov, B.V. (2015), “Radical Islamism in Algeria”, in Savateev, A.D. and Kisriev, E.F., ed., *Islamskie radikal’nye dvizheniya na politicheskoi karte sovremennogo mira: Strany Severnoi i Severo-Vostochnoi Afriki* [Islamic radical movements on the political map of the modern world. Countries of North and North-East Africa], Lenand, Moscow, Russia.
- Gerges, F.A. (2000), “The end of the Islamist insurgency in Egypt? Costs and prospects”, *Middle East Journal*, vol. 54, no. 4, pp. 592–612.
- Karpacheva, O.V. (2013), *Istoriya islamskoi oppozitsii v Egipte* [History of the Islamic opposition in Egypt], Librocom, Moscow, Russia.
- Kepel, G. (2004), *Dzhikhad: ekspansiya i zakat islamizma* [Jihad. Expansion and decline of Islamism], Ladimir, Moscow, Russia.
- Landa, R.G. (1999), *Istoriya Alzhira: XX vek* [History of Algeria. 20th century], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Mebarek, W. (2022), “Violence en Algérie: 1992–2022, il y a trente ans la décennie noire”, *El Watan-dz.com*, 31/05/2022, available at: <https://elwatan-dz.com/violence-en-algerie-1992-2022-il-y-a-trente-ans-la-decennie-noire> (Accessed 24 May 2024).
- Mellah, S. (2004), “Le mouvement islamiste algérien entre autonomie et manipulation”, *Comité Justice pour l'Algérie*, Dossier n 19, Alger, Egypt.
- Nachman, T. (1998), “Islamic terrorism in Egypt. Challenge and response”, *Strategic Assessment*, vol. 1, no. 1, pp. 8–11.
- Razhbadinov, M.Z. (2003), *Radikal’nyi islamizm v Egipte (na primere deyatel’nosti organizatsii “Al’-Dzhikhad” i “Al’-Gamaa al’-islyamiyya”)* [Radical Islamism in Egypt

(based on the example of the activities of the organizations “Al-Jihad” and “Al-Gamaa al-Islamiyya”)], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.

Vidaysova, M.F. and Umerov, M.Sh. (2002), *Egipet v poslednei treti XX v.: opyt liberalizatsii ekonomiki i politicheskoi sistemy* [Egypt in the last third of the 20th century. Experience of liberalization of the economy and political system], Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей Ю. Серёгичев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sers80@mail.ru

Information about the author

Sergei S. Seregichev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sers80@mail.ru